

ТАТЬЯНА
ИОСИФОВНА
БОРКО

МИФ КАК СПОСОБ УСТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье поднимается вопрос, как посредством антропологических сюжетов мифологии утверждается самоидентичность этноса. Тенденция к мифологизированию возрождается всякий раз, как только возникает проблема национального самоопределения. Автор выявляет основные мифологемы, способствующие становлению самосознания и одновременно формированию идеологии национализма, в чем заключается их опасность.

Вопрос собственного происхождения издревле занимал человека, по сути являясь вопросом принадлежности к определенному роду, племени, клану, семье, группе. Два аспекта одной проблемы проявляются не только на уровне кровных связей, но и в элитных кругах любого социального образования. Как правило, принадлежность к какому-либо сообществу обосновывается через происхождение, а посредством генеалогии утверждается право быть членом данного коллектива. Может показаться, что подобная психология свойственна только древним народам. Однако на деле имеется отчетливая тенденция, свойственная индивидуальному и этническому самосознанию, — придавать особую значимость истории рождения, которая а) всегда мифологична; б) всегда рассказывается с целью аргументировать претензии на превосходство.

В архаичные времена миф о происхождении от животного — первопредка удовлетворял самые непомерные человеческие амбиции. О богах люди тогда еще ничего не знали, чтобы мыслить себя их потомками. Антропологическая история была не столь длительной, чтобы видеть родоначальниками каких-либо выдающихся представителей человеческого рода. Оставалось считать себя детьми зверя. Впрочем, быть в родстве со зверем-тотемом — значит принадлежать к определенному этносу, идентифицировать себя в качестве члена родственной группы. В то же время быть потомком зооморфного прародителя означало — быть мудрейшим, храбрейшим, обладать сверхмогуществом и прочими нечеловеческими способностями. Словом, все качества животного предка мыслятся не иначе как в превосходной степени, что делает его в конце концов объектом почитания. Эдипов комплекс, как бы ни старался нас в том уверить Фрейд, здесь ни при чем [Фрейд: 2000]. Дело не в том, что люди столь уважали, или боялись, или испытывали чувство вины перед реальным отцом, почему и стали ему поклоняться. Дело в том, что люди утверждают свое происхождение от божественного родителя, чтобы возвеличить собственную историю, польстить самим себе.

Тенденция к превращению первопредка в бога проявилась и в поздних мифологиях. По мере осознания в себе человеческого возрастают и амбиции антропоида. Просто быть потомком и наследником животного царства, состоять в одной классификации с другими биологическими видами — ему недостаточно. И вот уже глядишь — не от тотема-зверя ведут происхождение люди, а созданы богами, пусть даже из праха земного, из кукурузных початков (индейские мотивы)¹, из древесных палочек (хантыйское сказание)² или из ящериц (австралийский миф)³. Тут главное — что руками богов вылеплены, выструганы, доведены до кондиции (а то и оставшиеся недоделанными, как те, что созданы пьяной шумерской Нинмах из непрочной глины, ставшие из-за этого уродцами, несчастными, невезучими человеческими персонажами)⁴.

Конечно, для человеческого сознания быть созданным из худого материала захмелевшей богиней — безусловно лучше, чем вести родословную от сильного, мудрого зверя. С животными, вопреки Линнею — Ламарку — Дарвину, мы больше не желаем иметь родства. Вести происхождение от космического червя, занесенного на землю метеоритным дождем — пожалуйста. Но от обезьяны — ни за что! А ведь, если вдуматься, теория Дарвина куда более возвышает человека, чем самые фантастические идеи семян жизни из космоса или переселения инопланетян. Согласно «Происхождению видов» получается, что человек создал себя сам, своими усилиями, без помощи какого-нибудь сверхразума, опираясь только на собственные способности, героически выстоял в естественном отборе и превзошел в изобретении адаптивных способов все другие существа. Более того, доминирует на планете и стремится подчинить себе все, что есть в природе. Никакой более гимнической версии о рождении человека я не знаю.

А ведь есть научные теории, которые не прибавят гордости тем, что принадлежишь человеческому роду. Историк Г. Н. Матюшин возводит антропогенез к приматам, но причины его видит не в натренированности мышц и упражнениях мозга, а в природных нарушениях⁵. Древнейшие гоминиды найдены в Восточной и Южной Африке, то есть в районе рифтового разлома, где наблюдается повышенный радиационный фон, вызванный высвобождением урана из глубоких слоев земли. Есть версия, еще менее учитывающая способности вида: цефализация (увеличение объема мозга) у человекоподобных обезьян произошла в группе, где случилась эпидемия какого-то вируса мозга, что и привело к его непомерному увеличению. Последние две гипотезы заставляют думать, что человек — результат мутаций или патологических отклонений из-за болезни, словом, сбой в гармоничном ряду эволюции. С точки зрения животных, наверно, так и есть.

Впрочем, человек и богу должен казаться недоразумением и ошибкой. Надо сказать, что некоторые мифы отнюдь не представляют человека венцом творения. Созданные небожителями, человеческие существа все равно нуждаются в доработке, или тут же нарушают правила, установленные творцом, или мешают своим шумом, гамом и суетой до такой степени, что боги (шумерские) решают устроить потоп, чтобы количество человечества поуменьшилось. В некоторых мифологических ситуациях у человека просто не может быть никаких претензий на то, чтобы доминировать в мире. Так, китайские первоначальные божества решают создать мир из огромного существа Пань-Гу, сотворив из частей его тела весь космос. Людей они оформили из паразитов на теле великана. Пожалуй, только ацтеки считали людей «достойными жертвы богов», ну и поплатились за это собственной кровью: долг пришлось отдавать и кормить бога Уицилопочтли, прыгнувшего в огонь, чтобы превратиться в солнце, кровью и вырезанными сердцами воинов.

В других случаях боги не были столь жестоки и не требовали кровавых жертв. Скорее, они выступали в роли доброго отца, покровителя племени. Отцовство бога мыслилось мифологическим человеком не как символ единения рода, целостности и сплоченности коллектива. Подобные значения мы, люди сегодняшнего времени, знакомые с социологией Э. Дюркгейма [Дюркгейм: 1994], приписываем древним символам. Отцовство Бога ощущалось как данность, не подвергающаяся сомнению генеалогия. И это еще один способ (наряду с мотивом творения) мифологизировать свое прошлое. Можно привести сколько угодно примеров, касающихся как отдельных персон, так и целых народов. Достаточно вспомнить римских императоров, ведущих свою генеалогию кто от Гермеса, кто от Геракла, кто от Марса, кто от Венеры (о чем пишет Светоний в «Жизни двенадцати цезарей»). При самом «реалистическом» раскладе — от Энея или Ромула. Если покро-

витель рода не является изначально причастным к пантеону, то сакральный статус необходимо придать ему хотя бы задним числом. Обожествление властителя (в момент рождения или после его смерти) вообще очень распространенный феномен в древних обществах.

Можно сказать, что идея царя-бога всплывает время от времени и проявляется иногда в современности. Что это: наследие культуры или имманентно присутствующий в сознании паттерн, в котором власть священна? Властитель персонифицирует весь социум. То есть в лице правителя община сакрализует самое себя. Коллектив должен чувствовать свою близость со священным вождем, должен быть неотделимо связан с ним кровными узами. Поэтому властитель — отец родной. Сам же он будет из нечеловеческих: сын божественных родителей. Иногда происхождение его неизвестно, окутано тайной, но боги покровительствуют ему. Так, Исида и Осирис являются предками первого фараона; вавилонский царь получает атрибуты власти прямо из рук бога. То же касается императоров дальневосточных обществ. Начало царской династии Тибета положил спустившийся по веревке с небес могучий и свирепый, покрытый перышками, с перепончатыми руками персонаж. Он родился из жира золотой космической черепахи и является одним из 9 братьев тхеурангов, посылающих бури, штормы и грады. Перерезав канат, чтобы никто не смог подняться в высшие сферы, он отправляется в страну Бод (то есть Тибет), где жители избрали его владыкой (цэнпо) и посадили на трон. Чудесное рождение правителя сопровождается какими-либо знаками, свидетельствующими о его священной природе. Первопредок рода Чэнь (буквально «Желтый предок» или «Желтый император»), живший с 2698 по 2598 гг. до н. э., был зачат от луча молнии, а родившись, сразу заговорил. С этого легендарного правителя придворный историограф Сыма Цянь (145-85? гг. до н. э.) начинает свои Таблицы поколений. В них указаны имена и генеалогия китайских императоров от полумифической династии Ся (III тыс. до н. э.) до времени правления дома Хань — эпохи, в которую жил летописец [Сыма Цянь 1984: 38].

Ясно, что по мере роста самосознания человечества мифологический пыл остывал. В конце концов, наступили времена, когда мало кто способен был поверить в божественное происхождение вождя-отца. Возникают исторические версии появления на свет героя, тоже исторического, от которого многие и многие роды ведут свое происхождение. Неизбывная тяга к мифологизации проявляется на этот раз в том, что история рождения все равно представляется выдающейся и необычайной. Праотца теперь находят плывущим по реке в люльке или сосуде⁶; одиноким в степи возле дерева, давшего пищу и тень; вскормленным собакой или волчицей⁷.

В. Глухов. ПРАЗДНИК

Даже лучше, если родители младенца останутся вовсе неизвестными, тогда появляется возможность возвести родство к какой-либо древней и знаменитой династии.

Удревнение рода — еще один мотив мифологии, использующийся как средство обоснования превосходства. И здесь мы сталкиваемся с уже знакомой ситуацией: архетипические идеи проявляются как на филогенетическом, так и онтогенетическом уровнях. В современной науке можно наблюдать стремление увеличить сроки существования человечества на земле. Если пятьдесят лет назад возраст человека современного типа насчитывал каких-нибудь 40-45 тысяч лет, то теперь даже скептически настроенные палеоантропологи называют период деятельности *homo sapiens* в 150-200 тысяч лет [Зубов: 2004]. Более радикальные энтузиасты готовы признать появление человека (пусть не разумного, но умелого, то есть изготавливающего каменные орудия) 50-55 млн. лет назад [Кремо, Томпсон 2001: 72-74]. Никакого смысла в упорном поиске доказательств столь почтенного возраста человечества нет. Если, действительно, человек умелый уже ходил по земле в эпоху эоцена (38-55 млн. лет назад), то его становление слишком затянулось. Более 50 млн. лет *homo* пребывал в инфантильном состоянии, а потом начал внезапно развиваться очень быстрыми темпами. Традиционная версия рисует более плавную линию эволюции, без долгих заторможенных фаз, без излишних ускорений (за исключением новейшей истории) — во всяком случае, взросление без отклонений.

Оставим миф о древности человечества, призванный утверждать власть на планете данного биологического вида, вернемся к истории этносов. Здесь мы увидим ту же картину. Каждый народ желает быть древнее, чем другие, кроме того, желает быть наследником великих культур. Понятно, когда племена киче провозглашают свое родство с майя, а индейцы Южной Америки считают себя потомками инков. Похоже, для обыденного сознания решающим доводом в пользу версии наследования является территориальный фактор, хотя на самом деле убедительные аргументы может дать только генетическое исследование. Когда речь идет о близости народов географически удаленных регионов, в качестве доказательств приводятся, например, аналогичные сюжеты мифов или сходные орнаментальные мотивы. Так, образ водоплавающей птицы, ныряющей на дно мирового океана, чтобы достать кусочек суши, послужил возникновению теории родства угорских народов с древними индийскими племенами [Боргояков: 1984]. По данной версии мифа все народы планеты окажутся в кровно-родственных связях, поскольку у всех народов, живущих у воды, есть сказка о волшебном ныряльщике, приносящем в клюве землю. Геометрические орнаменты, на основании которых осторожно выдвигается версия близости шумеров Месопотамии и селькупов Тюменского Севера [Пелих: 1972], также могут оказаться культурным достоянием, возникшим в результате общего развития неантропа, а не проявлением национального менталитета и регионального художественного стиля. Словом, при внимательном изучении изобразительного творчества в запасе у каждого этноса можно обнаружить орнаменты из зигзагов, волнистых линий, процветших крестов, ромбов, иногда более, иногда менее геометризованные, но все равно идентичные.

Миф о древности и знатной родословной укрепляет расистские намерения, которые, конечно же, всегда идут рука об руку с идеей мирового господства. (Мы знаем пример с арийской расой). Возникновение паттерна легко объяснимо: в случае происхождения от далеких цивилизаций древности границы локальной идентичности чрезвычайно расширяются. «Северный» миф незаметно вписывается в ближневосточную историю, история Египта неожиданно находит продолжение в Нижнем Приобье, а племена приуральской зоны оказываются наследниками атлантов. При такой родословной кажутся естественными претензии на владение всей территорией, где когда-либо обитали, по которой прошли, которую завоевали далекие предки.

Вообще мифология происхождения вплотную связана с обоснованием права на землю. Рожденные от зверя-тотема считают себя хозяевами угодий, на которых обитает их зооморфный покровитель. Вот почему архаичные времена, несмотря на малую численность населения, предстают в истории как период жестокой борьбы, сопровождающейся кровожадными стычками за территории. Владения тотемов пересекались, люди же стремились не допустить на свои земли чужаков, то есть представителей другого животного клана. По существу, это межвидовая борьба. Когда человек осознает себя человеком, да еще созданным богом, аппетиты возрастают. Ему мало участка, отведенного для добывания пищи, ему надо владеть всем миром. Потому как каждый народ только свой миф творения считает истинным, соответственно, полагает, что все заблудшие роды и отсталые дикари должны быть в услужении и подчинении у знающей подлинного бога и тайну вселенной расы. История с древностью усугубляет положение. Логика проста и ясна: если с незапамятных времен наши предки тут обитали, то уж, будьте любезны, верните нам исконные территории. Неважно, что те самые незапамятные времена слились уже с мифологическими «временами сновидений», а земли тысячелетиями заняты другими народами. Да еще в эпоху Великого Переселения так все запуталось, что и не разобрать, где кому назначено быть. Но мы, нагромождая миф за мифом, так и будем препираться, у кого предки древнее и знатнее, чьи пращуры жили здесь раньше, пока в очередной раз шум и гам спорящего и дерущегося человечества не надоеет богам. Снова разверзнут небеса, освободят воды. И не помогут ни знатность рода, ни долгая генеалогия, ни сакральность топоса. Потоп-то Всемирный.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Созданные из маиса (початков или зерен) люди последней (то есть нашей) эпохи — Эры Движения обладали проницательностью и всеведением. Но боги наслали на их разум туман, отчего этот дар был утрачен. Только поэты и шаманы по сей день способны видеть сквозь пелену, поэтому знают прошлое и предвидят будущее.

² История угорской антропологии весьма драматична. Пока верховный бог Нуми-Торум был занят поисками душ для созданных им людей, злобный Куль-Отыр принес и распространил среди древесных человечков болезни. Сделанные из непрочного материала, хрупкие люди с тех пор подвержены хворям и недугам.

³ Близнецы То Капинана и То Карвуву ловят ящериц, с помощью ножей отсекают им хвосты и обозначают половые органы — так получают люди.

⁴ Вместе со своим супругом Энки богиня Нинмах лепит из глины человечков, время от времени прерываясь, чтобы выпить вина. Сначала ее творения выходят удачными, но по мере опьянения... — можно представить, что получается.

⁵ Версия излагается в: Лалаянц И. Э. Шестой день творения // Мироздание и человек. М., 1990. С. 244-348.

⁶ Подобно Моисею или Саргону. Ассирийского царя, рожденного и брошенного весталкой, плывущего по реке в сосуде из тростника, выловил бог Анки, который воспитал его как *собственного сына* (Hommel F. Geschichte Babyloniens und Assyriens. Berlin, 1885. S. 302).

⁷ В изложении Юстина, пастух, который должен был по приказу правителя Астиага умертвить царственного младенца Кира (внука Астиага), оставляет ребенка в лесу. Когда пастух возвращается, то видит рядом с мальчиком собаку, кормившую его своими сосцами и защищавшую от зверей и птиц. Аналогичный случай произошел с римскими близнецами, вскормленными волчицей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боргояков М. Г. Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984.
- Дюркгейм Э. Священные объекты как символы // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 3-34.
- Зубов А. А. Современное состояние теории происхождения человека // Человек. 2004. № 5. С. 5-15.
- Кремо М., Томпсон Р. Неизвестная история человечества. М., 2001.
- Пелих Т. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Сыма Цянь. Исторические записки (ши цзи). Т. III: Хронологические таблицы (бяо). М., 1984.
- Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб., 2000.

МАРИЯ
АРКАДЬЕВНА
ЛИТОВСКАЯ

УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР
В НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ¹

В статье на материале стихотворений поэтов-любителей Среднего и Южного Урала представлен один из вариантов репрезентации региональной идентичности, основанный на воплощенных в локальной мифологии исторически обусловленных типах Хозяйки и Мастера как позитивных вариантов гендерных ролей.

Решение проблемы анализа региональной идентичности, которой ввиду энергичного развития нового регионализма уделяется все больше внимания в современной гуманитаристике, предполагает в том числе поиск более или менее адекватных форм репрезентации своей принадлежности к территориально-специфическому. Региональная идентичность является конструктом, а жители любого региона представляют собой воображаемое сообщество, ценности, нормы и формы поведения которого реконструируются в достаточной степени произвольно, так как редко прямо и непосредственно проговариваются. Если же это и происходит, то обычно непосредственно связано с «инструментальной» составляющей региональной идентичности, когда регион «используется как основа для мобилизации и коллективного действия в преследовании социальных, экономических и политических целей. Цели эти могут включать достижение региональной автономии или сосредоточиваться на более непосредственной социально-экономической политике и достигаться при помощи соответствующих структур» [Китинг 2003: 93]. Тексты, главной целью которых является выработка готовности к неким солидарным действиям и взаимопониманию во имя конечной цели успешного развития территории, обычно целенаправленно конструируются, что отчетливо выявляется при специальном анализе (см., например: [Давыденко 2003; Кормильцев, Кропотков 2004]). Но «инструментальность» идентичности оказывается действенной лишь в случае, если объекты воздействия — жители региона — принимают созданный для «работы» с ними конструкт, если он хотя бы в общем соответствует их представлению о границах и специфике региона, их эмоциональному ощущению самих себя как некоего единства. Определение же этого, часто неосознаваемого самоощущения, в свою очередь, оказывается задачей достаточно сложной.